

И. З. Варшавский

**Евреи и славяне или семиты
и индоевропейцы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 316
ББК 60.5
И11

И11 **И. З. Варшавский**
Евреи и славяне или семиты и индоевропейцы / И. З. Варшавский – М.:
Книга по Требованию, 2013. – 64 с.

ISBN 978-5-458-09714-7

В опровержение предположения об антропологическом различии между семитами и индо-европейцами. Одесса: тип. Исаковича, 1887

ISBN 978-5-458-09714-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

О происхожденіи языка.

Вопросъ о происхожденіи и развитіи языка едва ли не одинъ изъ труднѣйшихъ философско-историческихъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ можетъ осуществиться лишь съ извѣстной степенью вѣроятности, но не математическою положительною. Какъ и многіе философскіе вопросы, онъ также подвергался различнымъ способамъ разрѣшенія, по различнымъ точкамъ зрѣнія, принятымъ занимавшимися имъ изслѣдователями. Тезисъ объ откровеніи языка принадлежитъ тѣмъ ученымъ, которые неуклонно придерживаются преданій въ буквальномъ ихъ смыслѣ, не рѣшаясь ограничить ихъ тѣмъ морально-назидательнымъ значеніемъ, которое составляетъ ихъ исключительное достоинство. Однако нравственные принципы, преподаваемые моралистами въ наглядно-внушительной оболочкѣ въ видѣ повѣствованій, вовсе не обусловлены историческою дѣйствительностью послѣднихъ. Въ прекрасномъ преданіи о сотвореніи первой женщины изъ ребра перваго мужчины историческая дѣйствительность вполнѣ замѣняется заключающимся въ немъ высокимъ, облагораживающимъ правоученіемъ, выраженнымъ въ стихѣ: «Посему оставляетъ человекъ отца своего и мать свою и прилепляется къ женѣ своей, и они *должны составлять одну плоть*» (Бытіе 2, 24). Понятно, что никакой здравомыслящій изслѣдователь не предпочтетъ буквальное значеніе сказаннаго преданія раціональному его толкованію, имѣющему въ виду лишь проистекающую изъ него прекрасную мораль. Тоже самое мы должны утверждать относительно преданія о происхожденіи человѣческаго рода

отъ одной четы, сразу ставшей на извѣстный нравственный уровень, будучи одарена всеми человѣческими преимуществами, между прочимъ и совершеннымъ языкомъ. И дѣйствительно, древніе мудрецы не преминули указать на это преданіе какъ на поученіе всеобщаго человѣколюбія и равнаго уваженія всѣхъ расъ и народовъ, говоря: «Почему человѣкъ былъ сотворенъ одинъ?») Чтобы никто не сказалъ другому: «мой отецъ былъ достойнѣе твоего отца». Такимъ образомъ вся суть въ тенденціи сообщенія. Оно, согласно библейскому духу вообще, должно быть разсматриваемо какъ притча, изъ которой вытекаетъ высокое нравоученіе, но вовсе не претендующая на историческую дѣйствительность. Идея человѣческаго достоинства вообще, братства и солидарности всѣхъ племенъ и расъ имѣетъ свое раціональное основаніе не въ общемъ происхожденіи, а въ общихъ качествахъ человѣческой души. Родъ человѣческій единъ по своему существу, независимо отъ своего происхожденія.

И такъ, нѣтъ основанія уклоняться отъ современнаго взгляда естествовѣдѣнія и языковѣдѣнія, по которому предполагается спокойное различіе въ родѣ человѣческомъ по существующимъ различнымъ расамъ или породамъ людей, и соответственно сему различные, первоначальные языки. Но и у придерживающихся такого критическо-научнаго взгляда мнѣнія о *происхожденіи* языка расходятся. Яковъ Гриммъ,**) ратуя противъ тезиса объ откровеніи языка, неопровержимо доказываетъ, что языкъ не данъ человѣку какъ нѣчто вышнее, отъ него совершенно независящее, а есть дѣло человѣческой природы съ естественнымъ, правильнымъ развитіемъ. Но между тѣмъ какъ Гриммъ, въ строгой послѣдовательности своего принципа, смотритъ на языкъ какъ на произведеніе человѣческаго *творчества*, не признаетъ въ немъ ничего врожденнаго человѣку, предполагаетъ его нача-

*) Т. е. весь человѣческій родъ считается потомствомъ одного человѣка.

**) Über den Ursprung der Sprache. Berlin 1862.

ло въ ограниченномъ числѣ *моносиллабическихъ* корней, обозначавшихъ обыкновенныя воззрѣнія въ самомъ неопредѣленномъ видѣ, но изъ которыхъ мало по малу, въ теченіи времени, при искусственномъ развитіи, образовались полисиллабическія слова, преимущественно посредствомъ агглютинаціи частицъ къ окончаніямъ въ видѣ флексій для показанія отношеній,—другой лингвистъ, Ренанъ, *) утверждаетъ, что «языкъ образовался вдругъ и одновременно произошелъ изъ генія каждой расы». На основаніи того факта, что тѣмъ болѣе углубляешься въ исторію языка, тѣмъ болѣе онъ представляется многосложнымъ, синтетическимъ и грамматически богатымъ, онъ предполагаетъ эту синтетичность и грамматическое богатство въ самомъ возникновеніи языка. Противъ гипотезы Гримма о моносиллабичности перваго періода исторіи языка, служащей критеріумомъ младенчества, онъ указываетъ на языки американскихъ и африканскихъ дикарей, далеко уступающихъ, напр. китайцамъ, въ интеллектуальномъ и культурномъ развитіи. Эти языки обладаютъ значительнымъ грамматическимъ развитіемъ, между тѣмъ какъ китайскій языкъ и понынѣ остался моносиллабичнымъ. Но гипотеза Гримма вовсе не исключаетъ возможности искусственнаго увеличенія числа моносиллабическихъ словъ и замѣненія грамматическаго усовершенствованія языка лексикологическимъ его восполненіемъ посредствомъ отдѣльныхъ частицъ и т. п., каковой примѣръ представляетъ намъ китайскій языкъ. Гриммъ только утверждаетъ, и вполне основательно, что грамматическое развитіе и усовершенствованную структуру нельзя считать первичнымъ состояніемъ языка, что первоначально языкъ ограничивался скуднымъ числомъ моносиллабическихъ корней, обозначавшихъ самыя кардинальныя воззрѣнія въ крайней неопредѣленности. Съ этимъ тѣмъ болѣе слѣдуетъ согласиться, что можно привести факты, указывающіе на крайне скудословное состояніе язы-

*) О происхожденіи языка (русск. переводъ, Воронежъ 1886) стр. 7.

ка первобытныхъ людей; напримѣръ: десятичность числительной системы, указывающую на выраженіе чиселъ показаніемъ пальцевъ и т. п.

Въ особенности насъ не можетъ не удивлять отрицаніе постепеннаго развитія языка изъ моносиллабическаго первоначальнаго его состоянія—лингвистомъ Реваномъ, черпающимъ свои сравнительныя лингвистическія данныя, между прочимъ, изъ источника Семитическихъ языковъ, относительно которыхъ новѣйшими учеными (Фюрстомъ и Эвальдомъ) ростъ и развитіе основнаго звуковаго элемента языка до очевидности обнаружены въ самыхъ корняхъ, такъ что трилитарность ихъ оказывается позднѣйшею формаціею. Чѣмъ больше углубляешься въ этимологию и словопроизводство этого семейства языковъ, тѣмъ болѣе убѣждаешься, что всѣ корни его были первоначально моносиллабичны, или билитарны, а только въ послѣдствіи времени, посредствомъ присоединенія къ нимъ извѣстныхъ буквъ или частицъ, сдѣлались трилитарными, или двусложными. Можно даже доказать, что это совершалось довольно скоро и замѣтно для народа, что двусложные корни были употребительны уже тогда, когда односложные вовсе не были еще преданы забвенію. Такъ въ первой книгѣ Моисеевой (5, 29) односложное имя «Ной» толкуется въ смыслѣ, для обозначенія котораго уже употребляется двусложный корень, образованный изъ первоначальнаго односложнаго, который, повидимому, еще сохранялся въ памяти и сознаніи народа*). Въ языкѣ Мишны употребляются трилитарные глаголы, происходящіе отъ библейскихъ билитарныхъ корней; между тѣмъ библейскій языкъ и нынѣ употребляется въ литературѣ и богослуженіи. Очевидно, что кромѣ грамматическаго развитія словъ изъ первоначальныхъ односложныхъ

*) Иначе, это объяснилось бы въ самомъ текстѣ, подобно Сам. 9. 9. Какъ на примѣры употребленія въ одинаковой степени какъ билитарнаго, такъ и трилитарнаго корня, укажемъ на *нк* и *нкл* (Иоэль 4, 21 и Второз. 32, 43) *нт* и *нтл* (Перв. Парал. 21, 10 и Втор. Сам. 24, 12) и т. п.

корней, въ позднѣйшій періодъ, посредствомъ агглютинаціи буквъ или частицъ и разныхъ фонетическихъ видоизмѣненій образовались двусложные или трилитарные корни, обозначающіе разные оттѣнки понятій, или же совсѣмъ вытѣснившіе первичные односложные корни.

Что же касается до мнѣнія, встрѣчаемаго у мыслителей прошлаго столѣтія, что языкъ былъ *изобрѣтенъ* человекомъ умышенно съ предварительнымъ расчетомъ, подобно ремесламъ, по необходимости удовлетворенія потребностей общежитія, то такое предположеніе вообще не согласимо съ новѣйшими результатами науки о языкѣ, и оказывается крайне несостоятельнымъ въ виду правильнаго взгляда на природу языка, сложившагося на основаніи несомнѣнныхъ данныхъ, добытыхъ въ нашемъ столѣтіи въ области сравнительнаго языкознанія.

II.

Факторы образованія языка.

И такъ, языкъ не внѣшній даръ, не умышенное изобрѣтеніе и не образовался вдругъ творческою силою данной человѣческой расы, а мало по малу создавался, посредствомъ физическихъ и интеллектуальныхъ способностей человѣческой природы, подъ воздѣйствіемъ окружающихъ условій. Только зародышъ его, т. е. способность воспринимать впечатлѣнія и выражать ихъ посредствомъ членораздѣльныхъ звуковъ, прирожденъ человѣку; основные же элементы его создавались мало по малу подъ внѣшними впечатлѣніями, преимущественно въ видѣ подражанія природѣ вещей, сообразно съ особенностями слуховыхъ и звуковыхъ органовъ каждой расы. Изъ этихъ основныхъ элементовъ, въ теченіи вѣковъ, образовался, развился и усовершенствовался настоящій, полнѣйшій языкъ съ опредѣленными лексикологическими и грамматическими формами, сообразно съ опредѣленными формами мышленія, установившимися соотвѣтственно сложению мозга, психическимъ и умственнымъ свойствамъ каждого племени. Въ образованіи основныхъ элементовъ, такъ называемыхъ корней языка, дѣйствовала, такъ сказать, инстинктивно *внѣшняя* природа человѣка. Явленія и движенія видимой природы, возбуждавшія соотвѣтствующія воззрѣнія въ сознаніи человѣка, естественно выражались имъ звуковымъ способомъ въ видѣ подражанія*),

*) Подражаніе звуковымъ способомъ явленіямъ и предметамъ, повсе не поражающимъ слуха, или не поражающимъ его характеристическимъ образомъ, объясняется посредствомъ *звуковой метафоры*. (См. Спст. языковѣднія Гейзе, русскій пер. стр. 112). Какъ на наглядный примѣръ взаимной замѣнимости впечатлѣній, получаемыхъ разными чувствами, слѣдуетъ указать на *цветовой* слухъ, опытами надъ которымъ въ новѣйшее время стали заниматься многіе знаменитые ученые въ разныхъ странахъ Европы.

откуда возникли простѣйшіе, односложные звуковые знаки для обозначенія воззрѣній. Образованіе же изъ этихъ звуковыхъ знаковъ *словъ* для обозначенія развившихся изъ воззрѣній сформированныхъ представлений и понятій, вызвало къ дѣйствию *внутреннюю* природу человѣка, его психическія свойства, умозрѣніе и мыслительную способность.

За исключеніемъ только словъ, означающихъ отношенія, образовавшихся преимущественно изъ такъ называемыхъ мимическихъ звуковъ, звуковъ ощущеній и т. п., не подвергавшихся дальнѣйшему логическому развитію, умственные способности человѣка и его психическія качества дѣйствовали въ образованіи всѣхъ словъ, образующихъ главный составъ языка, такъ называемыхъ, словъ *вещественныхъ*. Изъ нихъ слова, означающія дѣйствія или состоянія, т. наз. глаголы, образовались примитивно и непосредственно. Ихъ значенія заключались естественно въ самыхъ словесныхъ корняхъ; дѣйствіе умственныхъ и характерныхъ свойствъ человѣка могло отражаться только въ установленіи предѣловъ даннаго значенія, его отбѣнковъ и метафорическаго примѣненія. Образованіе же остальныхъ частей рѣчи, названій предметовъ, качествъ и т. д., совершавшееся на основаніи особенныхъ взглядовъ, сопоставленій и соображеній о примѣненіи того или другаго дѣйствія или состоянія къ данному предмету, качеству и т. д., объ обозначеніи того или другаго предмета по извѣстному признаку и т. п., вообще дальнѣйшее развитіе языка въ этимологическомъ и лексикологическомъ отношеніи—рѣшительно обуславливалось свойствами характера, умозрѣнія и міросозерцанія даннаго племени*).

Такимъ образомъ, въ языкѣ отражаются интеллектуальныя и психическія свойства народа, но собственно не во внѣшнемъ фонетическомъ его составѣ, не въ образѣ подра-

*) На это, можетъ быть, намекается въ книгѣ Бытія 2, 20.

жанія природѣ вещей, не въ звуковомъ способѣ выраженія воззрѣній, чувствованій и ощущеній; словомъ, не въ лексикологическомъ матеріалѣ языка, а въ духовномъ настроеніи, складѣ ума и взглядѣ на вещи, проявляющихся въ опредѣленіяхъ, перенесеніяхъ, сближеніяхъ и сопоставленіяхъ, руководившихъ народнымъ гениемъ при образованіи изъ словесныхъ корней опредѣленныхъ лексикологическихъ формъ, сопровождаясь соответствующимъ сформированіемъ и опредѣленіемъ представленій и понятій, такъ сказать, вылитіемъ мыслительнаго матеріала въ опредѣленные формы.

Языкъ—это органъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и воплощеніе мысли. Мыслительный матеріалъ принимаетъ извѣстныя формы посредствомъ языка. Развитіе мыслительной способности, какъ индивидуальной, такъ и племенной идетъ рука объ руку съ развитіемъ языка, взаимно дѣйствуя и влияя другъ на друга.

Согласно вышеизложенному, разсматривая проявленія народнаго ума въ языкѣ, мы должны, главнымъ образомъ, принимать въ соображеніе слѣдующія лингвистическія явленія:

1) Оттѣнки значенія и метафорическое употребленіе глаголовъ. Хотя въ послѣднихъ, какъ сказано выше, заключаются примитивныя значенія словесныхъ корней, но изъ ихъ первичныхъ значеній, сообразно народному умозрѣнію и образу мыслей, развились вторичныя, метафорическія, или аналогичныя кореннымъ значеніямъ, и установились разные оттѣнки ихъ, въ чемъ и заключается вліяніе народнаго ума и проявленіе его характера.

2) Производство остальныхъ частей рѣчи отъ глаголовъ, т. е. примѣненіе общаго представленія къ даннымъ предметамъ, явленіямъ, отношеніямъ и т. д.

3) Омонимность и метафорическое употребленіе остальныхъ частей рѣчи.

4) Образованіе глаголовъ отъ остальныхъ частей рѣчи.

Итакъ, рассматривая языкъ какъ эманацию человѣческаго духа, какъ отрасль духовной природы человѣка въ воплощенномъ проявленіи, мы рѣзко отличаемъ въ его исторіи періодъ его возникновенія отъ періода его сформированія. Первый обнимаетъ то время, когда неопредѣленные и неосмысленныя созерцанія и воззрѣнія человѣка находили инстинктивно-невольное выраженіе естественными, односложными звуками посредствомъ органовъ голоса, возбужденныхъ естественнымъ порывомъ отраженія и подражанія, въ родѣ такъ называемыхъ рефлексивныхъ движеній, и можетъ называться періодомъ *инстинктивно-выразительнымъ*; второй относится къ той стадіи развитія человѣческаго рода, когда, стремясь къ ясному познанію и опредѣленному пониманію, человѣческій духъ перешелъ отъ смутныхъ воззрѣній къ опредѣленнымъ представленіямъ и яснымъ понятіямъ, а естественные, односложные звуки должны были вслѣдствіе этого преобразоваться въ слова съ грамматическими формами для отчетливаго выраженія разнообразныхъ формъ мышленія. Этотъ періодъ можно называть *интеллектуально-опредѣлительнымъ*.

Но человѣческій духъ, какъ и воплощеніе его — слово, не знаютъ предѣловъ; они безостановочно растутъ и развиваются, идя рука объ руку съ жизнію и культурою. Языкъ, по совершенномъ сформированіи и установленіи его, сообразно съ физическими и духовными свойствами даннаго племени, подъ вліяніемъ окружающей природы, продолжаетъ подвергаться вліяніямъ историческихъ событій, успѣховъ культуры и умственного развитія народа, особенностей другихъ языковъ и т. п. Пришедши въ соприкосновеніе съ другимъ языкомъ, путемъ общенія или литературы, онъ заимствуетъ у него слова, грамматическія формы, обороты рѣчи и т. д. Отъ потрясающихъ историческихъ событій языкъ испытываетъ существенныя пертурбаціи: разстраивается, видоизмѣняется и даже развѣтвляется, такъ что

*отъ одного основнаго языка въ теченіи вѣковъ происходитъ цѣлое селейство родственныхъ языковъ, которые, въ свою очередь, развѣтвляются на разныя нарѣчія. Наконецъ, языкъ самъ по себѣ ведетъ органическую жизнь и, достигши зрѣлаго возраста, не коснѣетъ, а продолжаетъ формироваться, приводитъ въ надлежащую гармонію звуковые и духовные свои элементы, сглаживаться и аналитически раскладываться сообразно съ законами благозвучія и удобопонятности и т. д. Этотъ третій періодъ образованія языка можно называть *культурно-восприимательнымъ*. Очевидно, что само-бытное міросозерцаніе народа и характеристическія черты его духа проявляются только въ результатахъ средняго періода, могущихъ быть прослѣживаемы въ вышеизложенныхъ четырехъ видахъ лингвистическихъ явленій.*
